

RECENZIJOS

Балтийская лексика в словаре „Беларускія геаграфічныя назвы“

В конце 1971 г. белорусская лексикография обогатилась еще одной публикацией — вышел из печати словарь белорусской географической терминологии И. Я. Яшкина.¹ Поставив себе задачу ознакомиться с названным словарем в плане интересов балтийского языкознания, мы вместе с тем далеки от мысли, что такое ограничение программы чтения заранее губит самое идею рецензии как таковой. Напротив. Поскольку автор словаря особо не занимался балтизмами и, скажем, специально не подбирал их для своего труда, то выборка названной категории лексики вполне может быть тем объективным мериллом, той частью, по которой действительно можно судить о целом. Таким образом, выраженное в заголовке рецензии ограничение в принципе не мешает ей оставаться рецензией.

По своему характеру книга И. Я. Яшкина — это толковый словарь географических терминов, собранных из различного рода источников: памятников, специальной литературы, фольклорных произведений, диалектных записей и т. д. Статьи словаря содержат указание на район бытования термина, а также, как правило, называют источник информации. Справок о происхождении слов нет. Ограничившись этими вступительными замечаниями, непосредственно перейдем к нашей теме.

¹ И. Я. Яшкін, Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія, Мінск, 1971. 256.

В рецензируемой работе встречается ряд уже знакомых терминов, обычно рассматриваемых как литуанизмы (или же в роли „кандидатов“ в них). Так, из реестра В. Урбутиса² в словаре И. Я. Яшкина помещены след. статьи: *аруд*, *асвер*, *ата-рыца*, *атока*, *бонда*, *даржник*, *дзірван*, *клучішча* (*клучня*), *крушня*, *кудра*, *лоўж*, *пелька*, *пунішча* (*пуня*), *скірдышча* (*скірда*), *тарпа*, *твань*, *яндойка*. Однако это не повторение (кстати, статья В. Урбутиса не была использована автором словаря), а расширение уже имеющихся сведений об этих словах — их географии, вариантах (например, *агруд* вместо *аруд*) и т. д. И все же наибольший интерес вызывают те балтизмы в словаре И. Я. Яшкина, которые, как кажется, еще не приобрели большой „литературной известности“. Остановимся на некоторых из них.

Арбіна. „Угоддзе; выгода“ (Виленщина) — 14. Ср. лит. *ariaminiš* „имеющий отношение к пахоте“ (LKŽ I 298).

Кумець. „Кавалак зямлі, які атрымаў селянін за працу“ (Виленщина) — 100. Из лит. *kūmetis* „батрак“.

Лаўка. „Лука, луг“. Слово отмечено в сборнике „Белорусские песни“ П. Бессонова (1871) — 105. Из лит. *laukas* „поле“.

Мядзеліна. „Поле, дзе расла люцэрна *Medicago sativa*, дзікая лясная канюшы-

² V. Urbutis, Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai, — Baltistica V (1969) 43–68, 149–162.

на“ (Молодеченский р-н, Гродненской обл.) — 117. Возможно, связано с лит. *medėlis* „лесок“.

Раўдoнь. „Рачная нізіна; шырыня рэчышча, абалоні і заліўных лугоў“ (Копыльский р-н, Минской обл.). Варианты *раўда́, раўда́нь* (там же). Ср. поговорку: *Пане Яне-Пабіяне, пасвіў коні на раўдoні* (с. Мокраны, того же р-на) — 164. Из лит. *raudōnis* „краснота, багрянец, румянец“. Единственное, что вызывает сомнение: не является ли это слово собственным географическим названием, а не аппелятивом, как полагает И. Я. Яшкин?

Сакмó. „След, знак ад падэшві нагі на раллі, пяску“ (Гродненщина) — 171. Ср. лит. *sėktmė* „успех“, *sėkti* „следовать“ (за кем-чем), *sekomis* „следом, вслед“.

Белорусский языковед использовал для своей книги также различные словари к памятникам, как например работу М. Горбачевского „Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского“ (Вильна, 1874) и др. В результате этих разысканий в книгу И. Я. Яшкина вошли два старописьменных литуанизма, которые, кстати сказать, не зафиксированы в сборнике К. Яблонскиса „*Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos rašinių kalboje*“ (Kaunas, 1941):

Грáнды. „Павал, дрэвы, паваленыя або зламаныя ветрам“ — 52. Ср. лит. *grandaĩ* „подстилка из ветвей и хвороста для предохранения хлеба от гниения“ (LKŽ III 515).

Перея. „Старана вуліцы“ (древнебелор. до XVII ст. — приведено в словаре к изд. „Белоруссия в эпоху феодализма“, I, Минск, 1959, 473) — 143. Из лит. *pėrėja* „переход“.

Кроме самих по себе балтийских лексем, в словаре белорусских географических названий имеется ряд славянских терминов, интересных в плане своей семантики, в частности, напоминающей соответствующие явления в балтийских языках. Приведем примеры.

Мяжа́. „Участак лесу паміж населенымі пунктамі“ (Брестщина) — 117. Ср. однокоренное лит. *mėdė* „лес“.

Серадзібóр. „Месца ў глыбі лесу, на тэрыторыі ляснога масіву“ (Брагинский р-н, Гомельской обл., Любанский р-н, Минской обл.). Вариант: сярэдбар (Столинский р-н, Брестской общ.) — 173. Ср. аналогичное лит. *vidūgiris* „середина леса“.

Сыпанка. „Штучная выспа; гарадзішча“ — 186. В литовском языке понятие „городище“ выражается термином *piškaknis* букв. „(на)сыпанная гора“, и потому весьма любопытно, что в качестве источника, откуда взято это слово, указывается: Ковенская губ. 1914 L. Krzywicki, *Pilkalnia pod wsią Petraszunami* (там же). Возможно, что термин сыпанка возник здесь как простая калька литовского слова.

Однако самым заманчивым случаем как в плане семантики, так и лексики, является термин *сáла* со значением „абведзенае лініяй месца (пры гульні ў лапугу), дзе можна спыніцца, выбіўшы мячык, калі не ўдаецца дабежчы назад да „горада“ (Столинский р-н, Брестской обл.) — 171. Хотя это слово автор относит к среднему роду — ср. „2. Жалезістыя плямы на паверхні вады“ Витебщина), т.е. к „салу“, однако по семантике очень напрашивается сравнение с балтийскими языками. Так лит. *salà*, лат. *sala* обозначают остров, а омонимичное им существительное в восточнолитовских и восточнолатышских говорах имеет значение „село“³. И в первом, и во втором случае (особенно, если иметь ввиду семему „город“) семантика столинского игрового термина *сала* чрезвычайно близка балтийским языкам!

Будучи автору благодарными за то, что „к размышлениям вело“, мы все же должны высказать сожаление по поводу отсутствия здесь точной паспортизации; откуда

³ См. К. Būga, RR I 333.

взят пример и где он (более подробно) локализуется?

В качестве общих недостатков в структуре и организации словаря следует указать на то, что автор: 1) не предусмотрел при разработке статей такой важной характеристики термина, как грамматический род и 2) непоследовательно провел взаимосвязь между статьями, в результате чего варианты одного термина воспринимаются как разные термины. Например, наряду со словом *ройст* встречается и форма *ройста* — 165. В отношении рода последней — женский или средний — без авторской ремарки или контекста судить невозможно; следует иметь в виду, что это заимствованное слово (литовское) и, значит, опереться на другой славянский язык при решении вопроса о грамматическом роде термина также немыслимо. Итак, решить вопрос можно только на местном материале. Ср. *Баравоя Ройста, Кісялёвая Ройста*⁴, — итак, средний род. Другой пример. Автор приводит термин: *Дражнік*, вариант *дрыжнік* — „абгароджанае месца для жывелы летам у полі або ў лесе“ — 60. Однако обе формы — это только

отклонения от регулярной формы данного балтизма *даржнік* „то же“, о которой идет речь тремя страницами раньше, но на которую нет ссылки. Итак, варианты одного термина представлены как самостоятельные термины, что дезориентирует читателя.

На весах общей оценки словаря И. Я. Яшкина отмеченные недостатки во все не перетягивают чаши со всем тем серьезным и важным материалом, который вводит в баллистику, точнее — в балто-славистику автор рецензируемого труда. Надо сказать, что книга „Беларускія геаграфічныя назвы“ полезна для науки не только в плане обнаружения новых балтизмов, но и в смысле, если, можно так выразиться, „дебалтизации“ некоторых старых. Так в свое время р. *Каспля*, левый приток Западной Двины, была отнесена к разряду балтийских названий от *ure, **are*⁵. Теперь благодаря словарю И. Я. Яшкина мы знаем, что на Витебщине известен термин *касапля* „кривое дерево“ и что сама река *Каспля* называется также *Касапля* (90).

А. П. Непокупный

Studi Baltici, 10, Firenze, 1969, 260 p.

Taip jau susiklostė likimas, kad pirmasis specialus baltistikos periodinis leidinys pasirodė ne kuriame nors baltų krašte ir pagaliau net ne mūsų artimesniųjų kaimynų šalyse, turinčiose senas baltų filologijos tradicijas, bet Italijoje, Romoje, kur 1931 m. buvo išleistas pirmasis „Studi Baltici“ tomas.

Iš tikrųjų tai buvo reikšmingas baltistikos įvykis. Jau pirmajame šio leidinio tome savo darbus pateikė tokie mokslininkai, kaip A. Mejė, J. Endzelynas, M. Nydermanas, Dž. Bonfantė

⁴ В. Л. Вярэніч, А. Р. Янкоўскі, Мікратапанімія в. Адамчукі Вільнюскага раена Літоўскай ССР, — Пытанні беларускай тапанімікі, Мінск, 1970, 129.

ir kt. Vėlesniuose tomuose įdomius baltų filologijos tyrinėjimus paskelbė daugelis žymiausių mūsų laikų baltistų.

Jau nuo pat pirmojo tomo „Studi Baltici“ siekė tartum dvejopų tikslų: pirma, šiame leidinyje buvo skelbiama konkretūs baltistikos, ypač baltų kalbotyros, tyrinėjimai, antra, tiek Italijos, tiek ir kitų kraštų visuomenė buvo stengiamasi supažindinti su įvairiais baltų tautų kultūros laimėjimais. Ypač daug nuveikta pirmojoje srityje. Už visa tai labiausiai

⁵ См. В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, Изд-во АН СССР, Москва, 1962, 237.